О НАЧАЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ. ЧАСТЬ ВТОРАЯ

© 2021 г. К. С. Родионов

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: rodionova76@gmail.com

Поступила в редакцию 11.02.2021 г.

Аннотация. В статье исследуются обстоятельства и условия принятия Гитлером решения о нападении на Польшу 1 сентября 1939 г., ставшем началом Второй мировой войны. Автор исследует обстоятельства о том, что больше повлияло на его принятие — политика умиротворения, которой по отношению к Гитлеру придерживались Англия и Франция, или же секретный протокол, ставший дополнением к Пакту о ненападении (Пакт Молотова-Риббентропа), подписанный Германией и СССР 23 августа 1939 г.?

Ключевые слова: Пакт о ненападении (Пакт Молотова-Риббентропа), дополнительный секретный Протокол, сфера влияния, демаркационная линия, Лига Наций, политика умиротворения, агрессия, вторжение в страну.

Цитирование: Родионов К.С. О начале Второй мировой войны: историко-правовое исследование. Часть вторая // Государство и право. 2021. № 8. С. 138–149.

DOI: 10.31857/S102694520015048-3

ABOUT THE BEGINNING OF WORLD WAR II: HISTORICAL AND LEGAL RESEARCH. PART TWO

© 2021 K. S. Rodionov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: rodionova76@gmail.com

Received 11.02.2021

Abstract. The article examines the circumstances of Hitler's decision to attack Poland on September 1, 1939, which began the Second World War. The author decides what influenced his acceptance more — the policy of appeasement, which Britain and France adhered to in relation to Hitler, or the signing by the Soviet Union of an additional secret protocol to the Non-Aggression Pact (Molotov-Ribbentrop Pact) signed by its parties on August 23, 1939?

Key words: Non-Aggression Pact (Molotov-Ribbentrop Pact), additional secret Protocol, sphere of influence, line of demarcation, League Nation, policy of appeasement, aggression, invade a country.

For citation: Rodionov, K.S. (2021). About the beginning of World War II: historical and legal research. Part two // Gosudarstvo i pravo=State and Law, № 8, pp. 138–149.

В первой части нашего исследования¹ была рассмотрена корреспонденция МИД Германии со своим послом в Москве, проходившая в режиме «совершенно секретно» в середине 1939 г. Её содержание и ускоренный Берлином обмен посланиями свидетельствовали о том, что к концу лета Гитлер проявил повышенный интерес к тому, чтобы как можно быстрее восстановить политические отношения с СССР. После его прихода к власти в Германии Советский Союз свел к минимуму такие контакты с этим государством.

Важное место в её внешней политике заняла борьба Гитлера с «мировоззренческой», как он ее называл, «чудовишной коммунистической опасностью для Германии»² Советской России, её «большевизма». Это быстро привело к отчуждению в отношениях двух стран.

Начатые Гитлером в марте 1939 г. попытки восстановить политические связи с СССР к концу лета приняли более чем настойчивый характер. 18 августа Сталин, наконец, дал согласие на визит в Москву министра иностранных дел фашистской Германии И. фон Риббентропа. А уже 23 августа в Кремле после кратких переговоров стороны неожиданно подписали сразу два документа — Пакт о ненападении и секретный Протокол к нему, что стало «рекордом скорости в дипломатии»³.

Как создавался этот рекорд, Риббентроп рассказывал в мемуарах: «Делегация из Берлина прибыла в московский аэропорт 23 августа между 4 и 5 часами дня, а уже в 6 часов в Кремле «Сталин, Молотов, Шуленбург (посол Германии. — К.Р.) и я усадились за стол переговоров. Кроме нас присутствовал наш переводчик Хильгер и русский переводчик Павлов».

По ходу обсуждений был сделан перерыв, после которого они продолжились в 10 часов вечера и завершились почти на рассвете подписанием Пакта о ненападении и секретного Протокола⁴.

Павел Судоплатов, глава одной из наших спецслужб в те годы, писал: «Быстрота, с которой был подписан договор о ненападении с Гитлером, поразила: за два дня до того я получил приказ искать возможные пути урегулирования наших отношений с Германией. Мы еще продолжали посылать наши стратегические предложения Сталину и Молотову, а договор был уже

подписан». Судоплатов отметил и то, что «Сталин вёл переговоры в обстановке строжайшей секретности»⁵.

В международную практику государств заключение пактов, как документов большой политической важности, вошло после Первой мировой войны, как средство обезопасить себя от подобной угрозы в будущем. Но та же практика показала, что не каждый пакт заключался с целью укрепления мира. Известны были случаи, когда руководители государств хотели усыпить им бдительность второй стороны о готовящемся на нее же нападении. Как позже стало известно, 11 августа 1939 г. (за 12 дней до подписания Пакта. — К.Р.) Гитлер в беседе с Карлом Буркхардтом, в тот период верховным комиссаром Лиги Наций в «вольном городе» Данциге, сказал: «Все, что я предпринимаю, направлено против России. Если Запад так глуп и слеп, что не может этого понять, я буду вынужден договориться с русскими. Затем я ударю по Западу и после его поражения объединенными силами обращусь против Советского Союза»⁶. Как видим, это было сказано в те же дни августа, когда более чем настойчиво он предлагал Сталину стать его союзником в противодействии Англии и Франции, тем самым идя на его явный обман.

Гитлер решил воспользоваться Пактом о ненападении, чтобы «привязать» им Советский Союз к выполнению своих экспансионистских планов, тогда как советская сторона рассчитывала обеспечить им собственную безопасность от возможной агрессии. Поскольку такие опасения были, спешно было принято решение о подготовке проекта пакта. 19 августа Молотов направил его Гитлеру, и тот, одобрив его, сообщил об этом в Москву. 23 августа он был подписан в Кремле Молотовым и Риббентропом, а на другой день — опубликован в газете «Правда», как Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом, но известен стал как Пакт Молотова-Риббентропа. В нём правительства СССР и Германии руководствовались желанием укрепления дела мира во взаимных отношениях и положениями Договора о нейтралитете, заключенного ими в апреле 1926 г. Его содержательная часть — пять статей, которые можно считать стандартными для договоров этого титула. Статья 1 — обязательство сторон воздерживаться от всякого насилия, агрессивных действий и нападения в отношении друг друга, как отдельно, так и совместно с другими державами. А в случае, если одна из сторон станет объектом военных действий третьей державы, вторая не будет поддерживать эту державу (ст. 2). Согласно ст. 3 Пакта стороны обязались «консультироваться друг с другом по вопросам, затрагивающим их общие интересы». Ни одна из сторон не

¹ См.: Государство и право. 2020. № 8. С. 91–103.

² Риббентрон И. фон Мемуары нацистского дипломата / пер. с нем. Г.Я. Рудого. Смоленск; М., 1998. С. 240.

³ Шмидт П.-О. Переводчик Гитлера: статист на дипломатической сцене. М., 2020. С. 171.

⁴ См.: Риббентрон И. фон Указ. соч. С. 186, 187.

⁵ Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. М., 1997. С. 75.

⁶ Безыменский Л. Августовское предложение Гитлера Лондону // Международная жизнь. 1989. № 8. С. 49.

будет участвовать в группировке держав, которая прямо или косвенно будет направлена против другой стороны (ст. 4). Стороны также обязались все споры или конфликты разрешать исключительно мирным путем в порядке дружеского обмена мнениями или путем создания комиссий по урегулированию конфликтов (ст. 5). Пакт заключался сроком на 10 лет с возможностью его автоматического продления еще на пять лет.

В отличие от пактов, история которых насчитывала около двух десятков лет, приложения к договорам — протоколы, обладающие той же юридической силой международного соглашения сторон, известны давно. Они принимались с разными целями, но чаще, чтобы скрыть в них особую форму регулирования отдельных вопросов договора, чем нередко и объяснялась их секретность.

Подписанный 23 августа протокол — творение Гитлера, от лица которого «творил» Риббентроп. Из Берлина в Москву он привез географическую карту Восточной Европы, на которой, как объяснил Риббентроп, Гитлер авторучкой с цветными чернилами провел «жирную линию», разделившую этот регион на «сферы влияния». Страны, расположенные западнее этой линии, вошли в «сферу влияния» Германии, восточнее — СССР. Само собой, осталось лишь согласиться с этим «проектом», что советская сторона в лице Сталина и сделала, и написать к нему текст, что здесь же и было сделано Риббентропом и его помощниками.

Работать над ним они начали еще в самолёте по пути в Москву. Об этом П.-О. Шмидт, входивший в состав делегации, писал: отправившаяся в Москву 22 августа на двух самолетах с Риббентропом большая делегация сделала остановку в Кёнигсберге. «Но об отдыхе не было речи. Всю ночь Риббентроп готовил материалы для переговоров со Сталиным, заполняя многочисленные листы рукописными пометками, делались звонки в Берлин с запросами, и вся команда сбилась с ног. На следующий день мы отправились в Москву»⁷, но уже с проектом протокола, которому предстояло дополнить Пакт. Его текст приводится ниже в принятой сторонами редакции.

«Секретный дополнительный протокол».

«По случаю подписания Пакта о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся представители обеих Сторон обсудили в строго конфиденциальных беседах вопрос о разграничении их сфер влияния в Восточной Европе. Эти беседы привели к соглашению в следующем:

В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих прибалтийским государствам (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва) северная граница Литвы будет являться чертой, разделяющей сферы влияния Германии и СССР. В этой связи заинтересованность Литвы в районе Вильно признана обеими Сторонами.

В случае территориальных и политических преобразований в областях, принадлежащих Польскому государству, сферы влияния Германии и СССР будут разграничены приблизительно по линии рек Нарев, Висла и Сан.

Вопрос о том, желательно ли в интересах обеих Сторон сохранение независимости Польского государства, и о границах такого государства будет окончательно решен лишь ходом будущих политических событий.

В любом случае оба Правительства разрешат этот вопрос путем дружеского согласия.

3. Касательно Юго-Восточной Европы Советская сторона указала на свою заинтересованность в Бессарабии. Германская сторона ясно заявила о полной политической незаинтересованности в этих территориях.

4. Данный протокол рассматривается обеими Сторонами как строго секретный.

Москва 23 августа 1939 года.

За Правительство Германии	Полномочный представитель Й. Риббентроп.
Правительства СССР	В. Молотов».

18 августа в ответ на очередной призыв Риббентропа заключить договор Молотов назвал два предварительных условия, с которых, как он считал, Москва могла бы начать «сближение» сторон. Вторым после торгового соглашения он назвал Пакт о ненападении и, как приложение к нему — специальный Протокол, «который определит интересы сторон в том или ином вопросе их внешней политики и явится неотъемлемой частью пакта».

Даже беглого взгляда на Протокол достаточно, чтобы убедиться в том, что ничего общего, кроме даты подписания, с Пактом он не имел. Это разные акты, и не только потому, что их готовили представители разных государств, но и потому, что они преследовали несовместимые цели. СССР стремился этим пактом обеспечить собственную безопасность от возможной агрессии Германии. А Германия была одержима идеей расправы с Польшей, втянув в свой замысел СССР. Этого и добился Риббентроп, включив ст. 2 Протокола, а посредством его «привязки» к Пакту о ненападении поместить под «крышу» его титула. Решающее значение, конечно, имела подпись советского представителя под Протоколом на случай, если Лига Наций призовет Гитлера к ответу за Польшу, как год назад за аннексию им чешских Судетов.

Анализ положений секретного Протокола начнём с понятия «сфера влияния». В Пакте его нет. Ф. Лист, немецкий специалист в вопросах международного права того периода, писал: «“Сферы влияния” в теperешней мировой политике держав играют особенно важную роль. Они возникают, когда какое-нибудь государство обеспечивает за собою исключительное

⁷ Шмидт П.-О. Указ. соч. С. 165, 166.

политическое или экономическое влияние в пределах другого государства»⁸.

Французский автор К. Кольтяр дал более широкую характеристику понятия «сферы влияния». Согласно его концепции, их появление преследовало цель ограничить «соперничество в определенном районе посредством разграничения зон, в которых государства присваивают себе право на вмешательство, а также путем взаимного обязательства воздерживаться от вмешательства за пределами признанных за ними сфер влияния». Автор особо отметил, что «сферы влияния не ведут к установлению правового режима сотрудничества, а разграничивают поле империалистической конкуренции чисто дипломатическим путем»⁹.

Приведенные концепции Ф. Листа и К. Кольтяра не противоречат одна другой. Наоборот, вторая, высказанная в 1970 г., развивает первую, дата появления которой — 1892 год, выход первого издания книги Ф. Листа. В ней он говорил лишь о начальном периоде «сфер влияния», тогда как К. Кольтяр вскрыл мотивацию их появления — империалистическая конкуренция и необходимость ограничить соперничество государств «полем» этой конкуренции, как и «путем взаимных обязательств воздерживаться от вмешательства за пределы признанной за ними “сферы влияния”».

Создание «сфер влияния» закрепляется в договорном порядке, практика заключения которых продолжалась и в начале XX в.: соглашения об установлении зон влияния между Францией и Великобританией от 8 апреля 1904 г., Россией и Великобританией о Персии от 31 августа 1907 г.

Анализируемый нами Протокол констатирует договоренность его сторон о разделении их сфер влияния в Восточной Европе на германскую и советскую. Здесь следует лишь помнить, что линию эту на географической карте региона «начертал» Гитлер, в правую от нее (советскую сферу влияния) включив Финляндию, Эстонию и Латвию, оставив Литву Германии.

Статьи 1 и 3 Протокола — это те обещания немецкой стороны в пользу СССР, которыми Риббентроп от лица Гитлера склонял советскую сторону к союзу с Германией. Но Гитлер не хотел просто так пойти на такую щедрость. За 10 дней до подписания Протокола советский поверенный в Германии Астахов писал в Москву: «Чтобы развязать себе руки на случай назревающего конфликта с Польшей, отказ от Прибалтики, Бессарабии, Восточной Польши — минимум, на который пойдут немцы без разговоров, лишь бы

получить от нас обещание невмешательства в конфликт с Польшей»¹⁰.

Польше поэтому в Протоколе его автор — немецкая сторона и уделила главное внимание: одну из трех его статей — вторую, самую объемную. Если до ее территории демаркационная линия разделяла сферы влияния сторон — по линии границ государств, вошедших в сферу влияния его сторон, то дойдя до Польши, она пошла по её территории по течению внутренних рек. При этом такая ее часть, как «Виленская область» с городом Вильнюс, представляющая интерес для Литвы, была зарезервирована. Иными словами, его ст. 2 воплотила две цели Гитлера: а) возможность ликвидации Польши как государства; б) начало реализации им политики отрыва стран Прибалтики от лидеров Антанты Англии и Франции и приближение к Германии. Литва стала первой из них, т.к. граничила с Германией.

За исключением Польши в Протоколе не говорилось о форме, в какой и как стороны собирались «влиять» на государства. Что же касается Польши, то в ст. 2 указывалось, что в повестку дня поставлен вопрос о ее независимости как государства, и «в любом случае оба Правительства разрешат этот вопрос путем дружеского согласия». Но решаться он будет «ходом будущих политических событий» и, «если это будет в интересах обеих сторон». Эти оговорки преследовали цель смягчить категоричность ст. 2 по наказанию Польши, т.к. давали возможность иного решения вопроса. Скорее всего появились они по желанию советской стороны, отметившей тем самым свое скромное участие в нём.

Переговоры проходили «в строго конфиденциальных беседах», их процесс сторонами не фиксировался. Скучные сведения о них есть лишь в мемуарах Риббентропа и в личных воспоминаниях двух членов группы сопровождения: помощника Риббентропа по юридическим вопросам Ф. Гауса и переводчика П.-О. Шмидта, выполнявшего иную функцию.

П.-О. Шмидт в своей книге «Переводчик Гитлера: статист на дипломатической сцене» писал, что в переговорах в Кремле ему участвовать не удалось, поэтому о том, как они проходили, «узнал, когда Риббентроп вернулся в посольство после их окончания в наилучшем расположении духа и с восторгом сообщил любому, кто готов был слушать, о Сталине и об отошедших к Германии и России сферах интересов в Восточной Европе, подробности которых держались в секрете»¹¹. Это все, что он сообщил, и об этом можно было бы не говорить, если бы не чувство тревоги, возникшее у автора после просмотра подписанных сторонами

⁸ Лист Ф. Международное право в систематическом изложении / пер. с нем. В.Э. Грабаря. Рига, 1923. С. 106.

⁹ Кольтяр К. Международные организации и учреждения / пер. с франц. М., 1972. С. 81, 82.

¹⁰ Богуславский К. Черный передел: версия 1939 года // Дипломат. 2019. № 47. С. 18.

¹¹ Шмидт П.-О. Указ. соч. С. 164.

актов, которое он подытожил словами, что «это было прощание с миром»¹².

Помощник Риббентропа Ф. Гаус свои впечатления о них изложил в марте 1946 г., т.е. спустя семь лет. Ниже приводится лишь та их часть, где речь идет о секретном Протоколе: «Быстро и без трудностей было достигнуто согласие о германо-советском пакте о ненападении. Гораздо дольше велись переговоры о дополнительном секретном протоколе. В нём Германия заявляла о своей незаинтересованности в Латвии, Эстонии и Финляндии, но причисляла в сферу своих интересов Литву. Что касается польской территории, то была установлена демаркационная линия и достигнуто соглашение, что обе державы рассматривают урегулирование относящихся к этой стране вопросов во взаимном согласии. Пакт и секретный документ были подписаны в ту же ночь»¹³.

Обратимся к участнику переговоров – Риббентропу: мемуары он писал, находясь в тюрьме в ходе Нюрнбергского процесса, понимая, что его ожидает. Поэтому все изложенное им было направлено на то, чтобы оправдаться в глазах читателей, показать себя если и не оппонентом Гитлера в его поступках, то и не союзником. А это не согласуется с фактами. П.-О. Шмидт считал его «голосом своего хозяина», а Г. Геринг – «попугаем № 1 при Гитлере». Риббентроп замечен и в заведомо ложной трактовке или подаче отдельных фактов, за что на Нюрнбергском процессе главный обвинитель от США Р. Джексон назвал его «двуликим» и «торговцем ложью»¹⁴.

Ложь есть и в мемуарах. Вот что писал Риббентроп о визите в Москву 23 августа 1939 г. В самолете он вместе с советником Гаусом набросал проект пакта о ненападении, а «при обсуждения в Кремле это оказалось полезным, поскольку русские никакого текста не подготовили»¹⁵. То же самое он заявил и в Нюрнберге перед Международным военным трибуналом¹⁶.

Убедиться в том, что это ложь, можно, посмотрев письмо Гитлера к Сталину от 20 августа 1939 г.¹⁷ В нём Гитлер писал: «Я принимаю пакт о ненападении с Советским Союзом, который передал мне Ваш министр иностранных дел господин Молотов, и считаю

крайне необходимым как можно более скорое выяснение связанных с этим вопросов»¹⁸.

По мемуарам Риббентропа нельзя узнать, как проходили переговоры, есть лишь впечатления, которые на него произвел Сталин. Автор писал, что после его (Риббентропа) вступительной речи (о чем, неизвестно) «заговорил Сталин: кратко, точно, без лишних слов, ясно и недвусмысленно и был столь позитивен, что после первой принципиальной беседы мы конкретизировали взаимную готовность к заключению пакта о ненападении. Мы смогли договориться о материальной стороне разграничения наших обоюдных интересов и, особенно, о германо-польском кризисе. На случай возникновения конфликта, который в создавшемся положении казался не исключенным, была согласована “демаркационная линия”, чтобы германские и русские интересы не столкнулись. Я заверил Сталина, что с германской стороны будет принято все, чтобы урегулировать вопрос с Польшей мирным путем»¹⁹.

Попробуем в этом лишенном фактов описании Риббентропом переговоров в Кремле увидеть «что-то», что он не хотел, чтобы знали читатели. Начнём с фразы «смогли договориться»: её можно считать косвенным указанием на то, что прошли они не без трудностей, как и писал Ф. Гаус, – и заняли больше времени, чем Пакт. Можно догадаться, в связи с чем Риббентроп «особенно» отметил «германо-польский кризис» и «возможность его возникновения», что «казалось» ему «не исключенным». Становится понятным, почему ему пришлось «заверять Сталина, что с германской стороны будет предпринято все, чтобы “вопрос с Польшей” был урегулирован “мирным путем”». В этой связи сам собой возникает и еще один вопрос: почему свой рассказ о поездке в Москву на переговоры Риббентроп начал с заверения читателей в чистоте своих помыслов относительно Польши. Он писал: «При отъезде я ничего не знал о якобы уже принятом фюрером решении напасть на Польшу, как не верил в то, что он принял его окончательно. Ни о каких военных шагах с нашей стороны речь не шла, и я придерживался взгляда, что Гитлер, хотя и желает оказать сильное давление на Польшу, хочет разрешить эту проблему дипломатическим путем»²⁰.

Остается лишь предполагать, к каким средствам прибегал Риббентроп, убеждая Сталина и Молотова в миролюбивых замыслах Гитлера относительно Польши, якобы скрытых им в ст. 2 Протокола, и в итоге склонить их к решению подписать его, уверяя их в том, что Гитлер всего-навсего пугает Польшу.

¹² Шмидт П.-О. Указ. соч. С. 170.

¹³ Цит. по: Риббентроп И. фон Указ. соч. С. 365.

¹⁴ Нюрнбергский процесс: сб. материалов. М., 1951. Т. 2.

¹⁵ Риббентроп И. фон Указ. соч. С. 185, 186.

¹⁶ См.: там же. С. 363.

¹⁷ См.: Родионов К. С. О начале Второй мировой войны: историко-правовое исследование. Часть первая // Государство и право. 2020. № 8. С. 91.

¹⁸ Оглашению подлежит: СССР – Германия. 1939–1941. Документы и материалы / сост. Ю. Фельштинский. М., 1991. С. 59.

¹⁹ Риббентроп И. фон Указ. соч. С. 188, 189.

²⁰ Там же. С. 185.

Автор предисловия к русскому изданию мемуаров И.Г. Усачёв указал на наличие у Риббентропа при множестве недостатков характера «здорового ума и холодного расчета, а также вероломства в решении политических вопросов»²¹. П.-О. Шмидт к его упорству и настойчивости добавил умение говорить «цветисто» и нагло давить на собеседника. Наблюдатели и жертвы называли это «настойчивым проникновением», которые Риббентроп использовал с целью убедить оппонента в своем мнении²².

Вероятно, все эти умения в тот день он применил в переговорах со Сталиным и Молотовым. Иначе кажется невозможным, чтобы слышавший весьма подозрительным Сталин и всегда осторожный Молотов так быстро согласились подписать протокол. Риббентроп, вероятно, убедил их в том, что вопрос о целостности Польши в Протоколе реально не ставится, а то, что в нем есть — написано ей в назидание «вести себя хорошо». Реально она потеряет лишь Данциг. В подтверждение он мог сослаться на известную в политических кругах Европы версию о требовании Гитлера к Польше передать Германии Данциг. Советский Союз был согласен с такой передачей, что подтвердил 27 июля в МИД Германии поверенный в делах СССР в Германии Г. Астахов, заявив: «Так или иначе, Данциг будет возвращен Германии». А три дня спустя он писал в Москву, что «немцы хотели бы от нас подтверждения нашей незаинтересованности к судьбе Данцига»²³.

Убеждать Риббентроп умел, за что его и ценил Гитлер. В 1935 г. в Великобритании, куда Риббентроп был направлен послом, в переговорах с министром иностранных дел этой страны сэром С. Хором ему удалось уговорить его дать согласие на заключение договора, разрешавшего Третьему рейху начать производство подводных лодок. Это было прямым нарушением Версальского договора, запрещавшего Германии вообще иметь военно-морской флот. Но английский министр согласился включить в этот акт и норму, разрешившую его создание в Германии в пределах тоннажа, не превышающего 45% от английского, что и стало началом его возрождения. На это умение Риббентропа и рассчитывал Гитлер, направляя его в Москву, и не ошибся.

Протокол подписан как «строго секретный» документ. Высокий уровень его секретности Риббентроп объяснил тем, что протокол нарушал соглашения России с Польшей и с Францией 1936 г., обязывавшие их консультироваться при заключении договоров с третьими государствами. Риббентроп считал, что Сталин был крайне заинтересован в протоколе,

и ради его принятия решил нарушить договоры с Польшей и Францией. Причиной его секретности была его ст. 2, включенная по желанию Гитлера, её и нужно было скрыть.

По отношению к Польше СССР придерживался в целом миролюбивой политики. После проигранной из-за вмешательства государств Антанты советско-польской войны 1919–1920 года в марте 1921 г. её сторонами был заключен мирный договор (Рижский), а в 1926 г. его дополнил Договор о нейтралитете. Тем не менее все 30-е годы Правительство Польши проявляло к нашей стране нежелание установить добрососедские отношения. Можно согласиться с автором четырехтомной «Истории внешней политики Российской империи» О. Айрапетовым, сказавшим в интервью редактору журнала «Историк» В. Рудакову, что в лице Польши в 1920–1939 гг. «мы имели злобного и враждебного соседа, какого имеем и сейчас после 1990 года». Это «не значит, что поляки плохи»²⁴, а то, что в стране «русophobia является политическим фактором и присутствует (даже) в польской культуре, не говоря уже о том, в каких формах и какими средствами, начиная с 20-х годов прошлого века, польская администрация колонизировала жизнь территорий, населенных белорусами и украинцами, и вытесняла православную религию»²⁵.

К этому надо добавить, что в 1939 г. советская служба внешней разведки получила информацию о том, что штаб польской армии готовил план нападения на нашу страну. Несмотря на это, 11 мая 1939 г. СССР предложил Польше заключить пакт о взаимопомощи, на что польский посол в Москве В. Гжибовский заявил, что «Польша не считает это возможным».

Сказанное позволяет думать, что Сталин и Молотов без «мучительных» раздумий, на которые у них не было и времени, поддались на уговоры и обман Риббентропа подписать Протокол, надеясь, что его ст. 2 — это крайняя мера, сформулированная так немецкой стороной, чтобы заставить Польшу пойти на уступки по вопросу о Данциге.

В мемуарах Риббентроп похвалил себя, отметив, что такого быстрого и радикального успеха не ожидал и Гитлер. Своей радостью Гитлер на другой же день, 25 августа, поспешил поделиться с Муссолини, он писал: «Я понятия не имел о возможной их (переговоров) продолжительности или о какой-либо гарантии успеха. Открывшаяся готовность со стороны Кремля пересмотреть отношения с Германией дала возможность отправить министра иностранных дел в Москву для заключения договора — пакта о ненападении.

²¹ См.: *Риббентроп И. фон* Указ. соч. С. 431, 443.

²² См.: *Шмидт П.-О.* Указ. соч. С. 148.

²³ Оглашению подлежит: СССР — Германия. 1939–1941. Документы и материалы / сост. Ю. Фельштинский.

²⁴ Разделенная Речь // Историк. Журнал об актуальном прошлом. 2020. № 10 (70). С. 48, 49.

²⁵ *Шевченко К.* Под гнетом польских оккупантов // Там же. С. 50–55.

Могу сказать Вам, Дуче, что соглашение гарантирует благожелательное отношение России на случай любого конфликта. Отношения Германии и Польши, не по вине Германской империи, но в результате деятельности Англии с весны ухудшились еще более, а последние несколько недель ситуация стала просто невыносимой. Эти причины и заставили меня поспешить с завершением германо-русских переговоров»²⁶.

Протокол, подписанный в Москве 23 августа, «развязал» Гитлеру руки. Он этого ждал давно. По его приказу вермахт (министерство обороны) еще весной подготовил план, согласно которому 26 августа 1939 г. германские войска должны пересечь границу с Польшей и начать её оккупацию. И все шло по плану. Но в тот же день, **25 августа**, Гитлер получил два срочных сообщения: первое — личное письмо от премьер-министра Англии Чемберлена, в котором тот писал: «Очевидно, известие о германо-советском соглашении воспринято в Берлине как показатель того, что вмешательство Великобритании в польские дела больше не является обстоятельством, с которым приходится считаться. Какой бы характер не носило германо-советское соглашение, оно не может изменить обязательств Великобритании в отношении Польши, о которых правительство его Величества неоднократно заявляло и которое намерено соблюдать». Свое недвусмысленное предупреждение Чемберлен завершил предложением прекратить антипольскую кампанию и немедленно начать дружественные переговоры между Германией и Польшей»²⁷.

Из Лондона было и второе срочное сообщение о том, что парламент Англии ратифицировал подписанное 6 апреля 1939 г. соглашение с Польшей о взаимопомощи. В нём было и обязательство Англии защищать ее, вплоть до объявления войны нападающему государству. Гитлер не хотел конфликта с Англией, а поэтому решил отложить нападение на Польшу до 1 сентября. Он считал, что это даст ему возможность проверить реакцию Англии на заключенный им с СССР пакт о ненападении. Пока же приказ о переносе даты нападения срочно был направлен во все пункты дислокации готовых к этому германских войск.

Гитлер был почти уверен в том, что Англия, а за ней и Франция не выступят в защиту Польши. Думать так у него были основания. Пару недель назад Англия вновь прошупывала почву с виноватым упоминанием 1914 г. Присутствовавший при этом Риббентроп предложил фюреру попугать англичан тем, «что в случае германо-польского конфликта в ответ

на любой их враждебный акт против Германии последует её бомбардировка Лондона»²⁸.

Для нашего исследования этот факт интересен тем, что в нём речь шла о неофициальной встрече англичан с Гитлером, состоявшейся тогда, когда Риббентроп и немецкий посол в Москве усиленно «давили» на Молотова, требуя свидания со Сталиным. В те же дни августа 1939 г. прибывшая в Москву англо-французская военная делегация решала с правительством СССР вопрос о создании антигитлеровской коалиции.

Ю.Я. Баскин и Д.И. Фельдман писали: «В Берлине и Лондоне большое внимание уделяли англо-германским негласным контактам, которые в апреле — августе 1939 года происходили на самых различных уровнях почти параллельно с англо-франко-советскими переговорами»²⁹. Их безуспешное завершение 17 августа и позволило Гитлеру срочно усилить натиск на Советскую Россию с целью сделать ее срочно союзником в расправе с Польшей. Этот союзник одновременно мог стать и гарантией спокойствия от возможной попытки Великобритании защитить подопечную Польшу.

На другой день к Гитлеру по вызову прибыл британский посол, которому вместо обещанных «окончательных предложений по урегулированию англо-германских отношений» он сразу стал перечислять обвинения в адрес поляков, начав со случая стрельбы по гражданскому самолету, и завершив заявлением, что «при любых обстоятельствах проблема Данцига и вопрос о “коридоре” следует урегулировать». И что «на этот раз Германии не придется сражаться на два фронта, так как соглашение с Россией является безоговорочным и представляет долгосрочное изменение в немецкой внешней политике. Россия и Германия никогда больше не поднимут оружие друг против друга»³⁰.

Утром 27 августа этот ответ Гитлера Правительству Великобритании был отправлен специальным самолетом в Лондон.

В этот же день прибыл французский посол Кулондр. Гитлер также сразу же пошел в атаку против Польши и поляков, чьи «провокации невыносимы. Даже угроза войны с Англией и Францией не заставят его отказаться от защиты интересов Германии». Однако, когда он приподнялся со стула, давая понять, что разговор окончен, Кулондр заявил, что «в такой критической ситуации, как эта, непонимание между странами является самым страшным. И я даю вам

²⁸ Оглашению подлежит. СССР — Германия. 1939—1941. Документы и материалы / сост. Ю. Фельштинский. С. 75.

²⁹ Баскин Ю.Я., Фельдман Д.И. История международного права. М., 1990. С. 159.

³⁰ Шмидт П.-О. Указ. соч. С. 176.

²⁶ Цит. по: Оглашению подлежит: СССР — Германия. 1939—1941. Документы и материалы / сост. Ю. Фельштинский.

²⁷ Цит.: Шмидт П.-О. Указ. соч. С. 173, 174.

честное слово французского офицера, что французская армия будет сражаться на стороне Польши, если эта страна подвергнется нападению. Французское правительство готово сделать все возможное для сохранения мира и стать посредником в вопросах урегулирования в Варшаве».

Не успел Кулондр продолжить, как Гитлер бросился в новую атаку против Польши со словами, что ему «больно сознавать необходимость вступления в войну против Франции, но это решение не зависит от меня», — сказал он и протянул руку Кулондру, проговорив с ним едва ли полчас³¹.

Следующим из вызванных для разговора был итальянский посол, который вручил Гитлеру ответ на его письмо Муссолини о готовящемся вторжении в Польшу. Гитлер ждал этого ответа, но Муссолини сообщил ему, что «Италия не готова к войне»: «запасов горючего в итальянских военно-воздушных силах хватит лишь на три недели боевых действий. Такая же ситуация с поставками для армии и с запасами сырья. Лишь флот готов к военным действиям. Поймите, в каком положении я оказался»³².

В тот же вечер Гитлер ответил Муссолини и запросил сведения о сырье и вооружении, в котором нуждается Италия, чтобы вести войну. Из полученного на следующий день ответа следовало, что запросы были настолько большими, что Германия не сможет выполнить их. Было ясно, что это обходной маневр Муссолини. В тот же день Гитлер направил ему письмо, в котором «просил своего союзника держать в секрете решение, сохранить нейтралитет и создать видимость подготовки к войне, чтобы смутить западные державы». Ответ пришел быстро: Муссолини был готов на то и другое.

Все следующие дни до 1 сентября устные и письменные контакты Гитлера с послами в Германии и государственными деятелями в Великобритании, Франции и Италии продолжались почти непрерывно. П.-О. Шмидт, все эти дни находившийся вблизи Гитлера, назвал возникшую ситуацию «дистанционной конференцией по телефону и телеграфу», где он «был так же занят, как в Мюнхене, где договаривающиеся стороны сидели друг против друга за столом переговоров». Он писал, что в этих переговорах Англия и Франция твердо указывали, что в случае нападения Германии на Польшу, каждая из них выполнит свои обязательства по ее защите от агрессии Гитлера. При этом Англия требовала от Гитлера начать прямые переговоры с Польшей об урегулировании возникшей ситуации. В ноте английского правительства, врученной Гитлеру 28 августа, говорилось, что «простое урегулирование этих вопросов между Германией и Польшей может открыть путь к миру во всем мире.

³¹ См.: Шмидт П.-О. Указ. соч. С. 178, 179.

³² Там же. С. 180.

А неудача в попытке достичь взаимопонимания между Германией и Великобританией приведет обе страны к конфликту и, вполне вероятно, ввергнет мир в войну».

В этой же ноте Правительство Великобритании отклонило предложение Гитлера о сотрудничестве, т.к. «Правительство Его Величества не может, какие бы преимущества ни предлагались Великобритании, молчаливо пойти на соглашение, которое подвергло бы опасности независимость государства, которому оно дало гарантии». Вместо этого Англия предложила свои посреднические услуги по оказанию помощи в переговорах между Германией и Польшей.

В ответ Гитлер писал: «Эти условия вынудили Германию предпринять активные шаги для обеспечения своих законных интересов. Требования немецкого правительства соответствуют пересмотру Версальского договора: это возвращение Данцига и “коридора” Германии, защита немецкого населения на остальной части польской территории». Он был согласен на посредничество Англии в его отношениях с Польшей, «в соответствии с которым польский участник переговоров должен быть направлен в Берлин», куда «ожидается в среду 30 августа», а «правительство подготовит свои предложения».

На встрече с Риббентропом 29 августа английский посол Гендерсон заявил ему, что «это похоже на ультиматум. У поляков едва ли будет двадцать четыре часа, чтобы подготовить план. Имея дело с Польшей, Рейх должен следовать обычной процедуре и передать предложения Германии через польского посла в Берлине». Риббентроп в ответ резко заявил: «Мы требуем, чтобы участник переговоров, уполномоченный своим правительством, прибыл сюда в Берлин».

30 августа по указанию Гитлера был подготовлен проект его предложений по урегулированию вопроса «по Данцигу и коридору»: он предлагал провести плебисцит о «Польском коридоре» под наблюдением международной комиссии из британских, французских, итальянских и русских представителей; Гданьск оставался за Польшей, ей же отдавалась международная магистраль и железная дорога на территории, которая становилась германской. Как с удивлением заключил П.-О. Шмидт, «эти предложения отличались духом, имевшим мало общего с национал-социалистическими методами и идеями, которые Гитлер высказывал всегда. Это были предложения вполне в духе Лиги Наций. Мне показалось, будто я снова нахожусь в Женеве».

Что это не так, подтвердилось в тот же день. П.-О. Шмидт писал: «Незадолго до полуночи 30 августа, как раз перед истечением срока немецкого ультиматума насчет приезда представителя Польши», когда в МИД Германии неожиданно прибыл британский посол с ответом его правительства на документ Гитлера, врученный накануне. По словам Шмидта,

разговор посла с Риббентропом «был самым бурным из всех, которые ему пришлось переводить за двадцать три года работы в качестве переводчика». «К счастью, до рукопашной дело не дошло». Предметом спора были изложенные в ответе Англии условия, которым должны следовать стороны переговоров по урегулированию «польского вопроса». Хотя каждое из них входило в число принятых в дипломатической практике, Риббентроп с негодованием отвергал, даже на требование о сдержанности сторон он отреагировал заявлением, что «это поляки агрессоры, а не мы!». А на более важные условия он реагировал еще активнее, в частности на заявление Гендерсона о том, что «британское правительство располагает информацией, что немцы совершают акты саботажа в Польше»³³. «Это проклятая ложь польского правительства!», — в ярости кричал Риббентроп. Нет смысла приводить все детали «дипломатических переговоров» министра иностранных дел Германии Риббентропа и английского посла в этой стране. Их фрагмент дан здесь лишь потому, что они проходили поздно вечером 30 августа 1939 г., за сутки до того, как Германия напала на Польшу и началась Вторая мировая война. Но от того, как проходили именно эти переговоры и чем они завершились, зависело очень многое.

Поэтому приведем еще один факт, который заслуживает этого: на него с особой тревогой обратил внимание единственный свидетель этого разговора — его переводчик П.-О. Шмидт, «статист на дипломатической сцене», как он назвал себя сам.

Он писал, что когда беседа приняла относительно спокойную форму, «Риббентроп вынул из кармана (на это также стоит обратить внимание. — *К.Р.*) какую-то бумагу: это были предложения Гитлера Лиге Наций по урегулированию польского вопроса. Он прочел их Гендерсону по-немецки (тот владел этим языком. — *К.Р.*). Гендерсон спросил, может ли он получить текст этих предложений, что в обычной дипломатической процедуре предполагалось само собой. “Нет”, — ответил Риббентроп. Гендерсон, думая, что ослышался, повторил вопрос, но Риббентроп вновь отказал. Он швырнул документ на стол со словами: “он просрочен, потому, что польский представитель не явился”».

Далее приводим текст автора без сокращений: «Я пришел в волнение. Я вдруг понял, в какую игру играли Гитлер и Риббентроп. В тот момент я понял, что громкие предложения Гитлера делались всего лишь напоказ, и никогда не предполагалось, что они будут выполняться. Вручить документ Гендерсону отказались из боязни, что британское правительство передаст его полякам, а те вполне могли принять предлагаемые условия. Редко у меня, как переводчика

возникало сожаление, что я не могу вмешаться в разговор. И мне не оставалось ничего иного, кроме как сидеть, скрипя зубами, в то время как шанс добиться мира преднамеренно саботировался у меня на глазах. Так вот что, размышляя я, обсуждали в Канцелярии Гитлер и Риббентроп. То, что я был прав в предположении, Гитлер подтвердил позднее сам в моем присутствии. “Мне нужно было алиби, — сказал он, — особенно перед народом Германии, чтобы показать, что я сделал все для сохранения мира. Этим объясняется мое великодушное предложение по урегулированию вопроса о Данциге и “коридоре”»³⁴.

На следующий день, 31 августа в 18.30 «я присутствовал на самой короткой встрече, в которой когда-либо участвовал. Польский посол Липский вручил Риббентропу сообщение своего правительства о согласии принять предложение Великобритании о прямых переговорах между Германией и Польшей и передать немецкому правительству ответ на его предложения. “У вас есть полномочия вести с нами сейчас переговоры по предложениям Германии?” — спросил Риббентроп. — “Нет”, — ответил польский посол. — “Тогда нет смысла продолжать этот разговор”, — сказал Риббентроп, и встреча закончилась». Надо заметить, что, по предположению П.О. Шмидта, что и у Риббентропа, за поведением которого он наблюдал в тот вечер, не было полномочий проводить переговоры³⁵.

В тот же вечер 31 августа Гитлер отдал приказ о вторжении в Польшу, границу которой немецкие войска должны пересечь в 5.45 утра.

Прав был П.-О. Шмидт, назвав подписание Пакта и протокола к нему, «прощанием с миром»³⁶. Как переводчик Гитлера и наблюдательный человек, в течение ряда лет часто и подолгу находившийся с ним рядом, в своей книге он писал: «Я достаточно хорошо знал Гитлера, чтобы сознавать, что если с тыла его защитит Сталин, он станет еще более неосторожным и безответственным в своей внешней политике»³⁷.

Выше указывалось, что еще в марте 1939 г. по приказу Гитлера Абвер (служба контрразведки) и СД (имперская служба безопасности) начали разработку стратегического плана нападения на Польшу — план «Вайс». В нём была указана и его дата — 26 августа 1939 г.! С грифом «секретно» он был направлен в региональные группы войск «Север, «Запад»» и «Юг», где в ожидании дня «Х» велась подготовка предшествующих ему провокаций с участием агентов Абвера.

15 июня 1939 г. генерал фон Браухич представил секретный план проведения ряда таких операций.

³⁴ Шмидт П.-О. Указ. соч. С. 188, 189.

³⁵ См.: там же. С. 190, 191; см. также: Овсяный И.Д. Тайна, в которой война рождалась. М., 1971. С. 301.

³⁶ Шмидт П.-О. Указ. соч. С. 170.

³⁷ Там же. С. 166.

³³ Согласно данным статистики, в 1939 г. в Польше проживало около полутора миллионов немцев. — *К.Р.*

Из него следовало, что Абвер располагал данными своих разведывательных служб о польских вооруженных силах, количестве дивизий, их вооружении и оснащении техникой, планах их стратегического развертывания на случай войны с Германией – План “Zachud” (Запад). Согласно всем этим сведениям, польская армия не была готова к войне, чем и торопился воспользоваться Гитлер. В реализацию этого замысла ему удалось вовлечь и Советский Союз. Подписанный сторонами 23 августа 1939 г. в качестве приложения к Пакту о ненападении секретный Протокол дал ему свободу действовать, чем он сразу же и воспользовался, обвинив в этом Польшу, заявив через 20 дней в одной из своих речей: «Польша выбрала войну, и теперь она ее получила»³⁸.

В соответствии с ранее принятым им планом 26 августа 1939 г. германские войска в нескольких пунктах должны пересечь границу с Польшей и широким фронтом начать наступление. Но, как мы знаем, 25 августа было получено сообщение о ратификации английским парламентом договора с Польшей о взаимной помощи. Не желая нового конфликта с Англией, он срочно отложил вторжение в Польшу и ряд провокаций, которые должны предшествовать этому. Из Берлина в центры дислокации немецких войск, готовивших их, срочно был направлен приказ о перенесении «дня X» на тот же час 1 сентября. Срочно его следовало также передать во все пункты, где велась их непосредственная подготовка. Но не везде это удалось сделать вовремя. Именно это и произошло с отрядом, которому предстояло захватить горный перевал вблизи прежней польско-чехословацкой границы и удерживать его, как южные ворота для вторжения немецких войск в Польшу.

Отряд вел подготовку в пересеченной местности, где его средства связи не всегда могли принять сигналы центра, а поэтому его командир не был осведомлен о переносе даты нападения на неделю. Рано утром 26 августа, перейдя польскую границу, оперативный отряд захватил горный перевал и жилой поселок вблизи его, двум тысячам его жителей, а также подразделению польских солдат во главе с офицером было объявлено, что они взяты в плен, после чего все они были заперты в складском помещении. Сопrotивлявшихся для устрашения всех остальных тут же расстреляли. Была взорвана телефонная станция, а на горных переходах поставлены посты. А поздно вечером был получен приказ «возвратиться в расположение отряда: “война еще не началась”».

Эта операция в СМИ не получила огласки, т.к. подобные ошибки не свойственны немецкой исполнительности. Да и события, начавшиеся пять дней спустя, по своим масштабам и значимости заставили забыть все остальные. Кроме одного,

считающегося началом Второй мировой войны – Глейвицкой провокации, совершенной в ночь с 31 августа на 1 сентября в том же регионе расположения группы немецких войск «Юг».

Ответственность за ее проведение взял на себя шеф службы безопасности Р. Гейдрих: он подготовил план и выбрал объект провокации – радиостанция в Глейвице в 30 км от границы с Польшей. Принял в ней участие и шеф Абвера Канарис, обеспечивший исполнителей формой и оружием польской армии.

Сохранились показания руководителя, возглавлявшего эту операцию. Он показал, что «около 10 августа Гейдрих приказал мне возглавить операцию, в которой будет имитирован вооруженный налет небольшого отряда “польской армии” на радиостанцию в Глейвице у границы с Польшей. Я должен с группой “захватить” её удерживать, пока “нападающие поляки”, поступившие в мое распоряжение, передадут по радио воззвание к немецким слушателям».

25 августа его вызвал шеф гестапо Г. Мюллер и сообщил, что кроме семи основных участников в ней будут задействованы два десятка приговоренных к смерти уголовников, одетых в мундиры польских солдат. Они будут убиты при «нападении» и останутся лежать на месте «как погибшие во время атаки». Каждый из них «умрет от инъекции, но на трупах должны быть следы пулевых ранений, оставить которые предстояло также нам. После завершения операции появятся заинтересованные лица, фоторепортеры и журналисты».

К месту операции выехали 26 августа вечером на двух автомашинах. Когда подъехали к радиостанции, часть группы вошла в здание. Встретивший их дежурный и второй служащий были убиты, после чего в дикторской студии группа начала наладку передатчика и вещать на всю Германию. Один из участников суетился, пытаясь найти рычаг, с помощью которого можно было выйти в эфир, но их было много, и он не мог найти нужный. Приближались минуты, когда сообщение во что бы то ни стало должно прозвучать в эфире, но включить передатчик не удавалось. Пришлось вести передачу на местной волне: текст обращения к полякам зачитал один из членов группы, который стал быстро почти выкрикивать его. Сразу же, как он закончил, все быстро выбежали из студии на улицу, где также быстро прикончили уголовников».

Довольно скоро прибыли фотокорреспонденты и репортеры газет, которым были предъявлены трупы «нападавших польских солдат».

В 7.00 1 сентября 1939 г. руководитель группы прибыл к Гейдриху «с ощущением, что операция провалилась». Но Гейдрих поздравил его с ее завершением, лишь упомянув о помехах в эфире, из-за которых «так ничего и не услышал: но важно, что передача состоялась».

³⁸ Шмидт П.-О. Указ. соч. С. 203.

Гейдрих показал свежий номер газеты “Volkischer Beobachter” («Народный наблюдатель»), на первой странице которой красовался крупный заголовок: «Агрессоры атакуют радио Глейвице». «Гитлер доволен», — сказал он. Было ясно, что и сам он был вполне удовлетворен.

В 10.00 в рейхстаге Гитлер обратился к германскому народу с речью о вторжении поляков на территорию Германии, сославшись на «нападение регулярных польских войск» на пограничную радиостанцию в Глейвице, «которые заставляют нас принять ответные меры».

Информационное бюро Германии также сообщило, что «сегодня утром германские войска перешли германо-польскую границу в различных местах, а военная авиация начала бомбардировку аэропортов и других военных объектов в Польше»³⁹.

В тот же день МИД Германии направило всем дипломатическим представительствам за границей телеграмму, в которой извещал, что в целях защиты от польского нападения германские подразделения начали сегодня на рассвете операцию против Польши. Но её не следует характеризовать как войну, а лишь как стычки, спровоцированные «польскими атаками».

2 сентября в 8.00 к Герингу прибыл посредник в отношениях между правительством Великобритании и Германии швед Далерус, который предложил Герингу объяснить причину начала военных действий против Польши. Геринг заявил: «Война развязана по вине поляков, атаковавших немецкую радиостанцию в Глейвице и взорвавших мост неподалеку». Эту информацию Далерус передал в МИД Швеции.

В 10.30 посол Великобритании в Германии Хандерсон подтвердил польскую атаку. А вечером он и посол Франции объявили министру иностранных дел Германии Риббентропу, что если Германия не выведет свои войска с польской территории, то Франция и Великобритания выполнят свои обязательства по договору с Польшей. Риббентроп возразил им, что речь в данном случае идет не о немецкой агрессии, а польской, так как накануне войска польской армии атаковали немецкую территорию».

Англия и Франция предложили (а не потребовали) Германии прекратить военные действия и вернуть войска на свою территорию. Они предложили мирное решение вопроса, но Гитлер отказался даже от его обсуждения.

3 сентября 1939 года Великобритания и Франция объявили Германии войну, но до конца мая следующего года никаких военных действий против Германии они так и не начали, из-за чего этот период

³⁹ Оглашению подлежит: СССР — Германия, 1939—1941. Документы и материалы / сост. Ю. Фельштинский. С. 86.

Второй мировой войны получил название «странной войны».

В зарубежных источниках еще жива версия о том, что причиной и поводом для Германии развязать Вторую мировую войну был вопрос о Данциге. На него и т.н. Данцигский коридор часто ссылались и Гитлер, и Риббентроп, как причину разногласий и конфликтов с Польшей. Эта версия кратко изложена в энциклопедическом словаре «Британника»: «В 1938 г. Гитлер потребовал, чтобы Гданьск был возвращен Германии. Отказ Польши стал поводом для нападения на неё в 1939 г., что развязало Вторую мировую войну»⁴⁰.

Но Данциг (польск. Гданьск) здесь не причём: этот город и его округ Гитлер использовал, как принято говорить, для отвода глаз, чтобы скрыть свою главную цель — экспансию всей Польши. К началу войны, к 1 сентября 1939 г., Данциг уже был частью Германии, став ею без единого выстрела.

Как это произошло, рассказал в своей книге Н. Стариков: «22 августа 1939 г. в Данциг по приглашению городского совета с “визитом вежливости” прибыл германский линкор “Шлезвиг-Гольштейн”. О его визите польское правительство не знало. Линкор появился в городе, чтобы обеспечить в нем “мягкий” государственный переворот. На другой день совет (городской парламент), практически состоявшийся из этнических немцев, провозгласил главой города нацистского гауляйтера⁴¹ Фёрстера, который давно числился “верным гитлеровцем” во властной вертикали Третьего рейха. С этого дня он, как один из его чиновников, непосредственно подчиненный Гитлеру, стал руководителем “вольного города”, что можно назвать ползучей аннексией.

1 сентября Фёрстер издал закон о присоединении города к Германии, и в этот же день на чрезвычайном заседании рейхстаг принял решение включить Данциг в состав государства»⁴².

* * *

Участвовал ли Советский Союз в рассмотренных событиях нарастающего политического кризиса в Европе? Ответу: «нет», но свой первый шаг в этой трагедии, начинавшейся как шахматная игра великих держав, Сталин сделал. А вскоре будет вынужден сделать и второй, чтобы через шесть лет оказаться как первым среди ее победителей, так и первым по количеству жертв, понесённых руководимой им страной.

⁴⁰ Britannica. Большой иллюстрированный энциклопедический словарь. 2009. С. 235.

⁴¹ Для управления страной Гитлер разделил её территорию на административные единицы Gau — область, край, округ.

⁴² Стариков Н. В. Кто заставил Гитлера напасть на Сталина. СПб., 2013. С. 284, 285.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Баскин Ю.Я., Фельдман Д.И. История международного права. М., 1990. С. 159.
2. Безыменский Л. Августовское предложение Гитлера Лондону // Международная жизнь. 1989. № 8. С. 49.
3. Богуславский К. Черный передел: версия 1939 года // Дилетант. 2019. № 47. С. 18.
4. Кольяр К. Международные организации и учреждения / пер. с франц. М., 1972. С. 81, 82.
5. Лист Ф. Международное право в систематическом изложении / пер. с нем. В.Э. Грабаря. Рига, 1923. С. 106.
6. Нюрнбергский процесс: сб. материалов. М., 1951. Т. 2.
7. Овсяный И.Д. Тайна, в которой война рождалась. М., 1971. С. 301.
8. Оглашению подлежит: СССР – Германия. 1939–1941. Документы и материалы / сост. Ю. Фельштинский. М., 1991. С. 59, 75, 86.
9. Разделенная Речь // Историк. Журнал об актуальном прошлом. 2020. № 10 (70). С. 48, 49.
10. Риббентроп И. фон Мемуары нацистского дипломата / пер. с нем. Г.Я. Рудого. Смоленск; М., 1998. С. 185–189, 240, 363, 365, 431, 443.
11. Родионов К.С. О начале Второй мировой войны: историко-правовое исследование. Часть первая // Государство и право. 2020. № 8. С. 91.
12. Стариков Н.В. Кто заставил Гитлера напасть на Сталина. СПб., 2013. С. 284, 285.
13. Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. М., 1997. С. 75.
14. Шевченко К. Под гнетом польских оккупантов // Историк. Журнал об актуальном прошлом. 2020. № 10 (70). С. 50–55.
15. Шмидт П.-О. Переводчик Гитлера: статист на дипломатической сцене. М., 2020. С. 148, 164–166, 170, 171, 173, 174, 176, 178–180, 188–191, 203.
16. Britannica. Большой иллюстрированный энциклопедический словарь. 2009. С. 235.
1. Baskin Yu. Ya., Feldman D. I. History of International Law. M., 1990. P. 159 (in Russ.).
2. Bezymensky L. Hitler's August Offer to London // International life. 1989. No. 8. P. 49 (in Russ.).
3. Boguslavsky K. Black peredel: the version of 1939 // Diletante. 2019. No. 47. P. 18 (in Russ.).
4. Kollar K. International organizations and institutions / transl. from the Frants. M., 1972. P. 81, 82 (in Russ.).
5. List F. International Law in a systematic presentation / transl. from German by V.E. Grabar. Riga, 1923. P. 106 (in Russ.).
6. The Nuremberg trial: collection of materials. M., 1951. Vol. 2 (in Russ.).
7. Ovsyaniy I. D. The secret in which the war was born. M., 1971. P. 301 (in Russ.).
8. Subject to disclosure: USSR – Germany. 1939–1941. Documents and materials / comp. Yu. Felshtinsky. M., 1991. P. 59, 75, 86 (in Russ.).
9. Divided Speech // Istorik. Journal about the current past. 2020. No. 10 (70). P. 48, 49 (in Russ.).
10. Ribbentrop I. von Memoirs of a Nazi diplomat / transl. from the German G. Ya. Rudogo. Smolensk; M., 1998. P. 185–189, 240, 363, 365, 431, 443 (in Russ.).
11. Rodionov K. S. About the beginning of the Second World War: a historical and legal study. Part One // State and Law. 2021. No. 6. P. 101 (in Russ.).
12. Starikov N. V. Who made Hitler attack Stalin. SPb., 2013. P. 284, 285 (in Russ.).
13. Sudoplatov P. A. Special operations. Lubyanka and the Kremlin. 1930–1950. M., 1997. P. 75 (in Russ.).
14. Shevchenko K. Under the yoke of the Polish occupiers // Istorik. Journal about the current past. 2020. No. 10 (70). P. 50–55 (in Russ.).
15. Schmidt P.-O. Translator of Hitler: an extra on the diplomatic scene. M., 2020. P. 148, 164–166, 170, 171, 173, 174, 176, 178–180, 188–191, 203 (in Russ.).
16. Britannica. A large illustrated Ecylopedic dictionary. 2009. P. 235 (in Russ.).

Сведения об авторе

Authors' information

РОДИОНОВ Константин Семёнович – кандидат юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

RODIONOV Konstantin S. – PhD in Law, Professor, leading researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia